

Надежда Андреевна ОБУХОВА

Фото Ал. ЛЕССА

ЛЮДИ
РУССКОГО
ИСКУССТВА

За-а-хочу — полюблю,
За-а-хочу — разлюблю,
Я над сердцем вольна —
Жизнь на радость мне дана!

Либо:
Отцвели уж давно хризантемы в саду...
И даже:
О, поверь, что любовь это тот же камин,
Где сгорают все лучшие грезы...
Вот тут уж действительно — дальше
никуда!

В заключение несколько личных воспоминаний.

Мне довелось встречаться с Надеждой Андреевной в доме другой превосходной женщины нашего времени, которая над популярным именем-отчеством несла двойную фамилию — от своего гениального прадеда и от отца, выдающегося юриста и общественного деятеля, — я говорю о Татьяне Львовне Щепкиной-Куперник.

Проживала Татьяна Львовна в особняке, в котором жила когда-то Ермолова... Это была уютная квартира, которая каждым пуфиком, каждой занавесочкой соответствовала своей хозяйке — мадемуазель, круглой, обтекаемой и в то же время исполненной живейшего сходства со своим легендарным прадедушкой Михаилом Семеновичем.

После нескольких минут пребывания в этой обстановке вы теряли ощущение времени и пространства, вам казалось, что за окном не 15-й номер троллейбуса мчится к Кропоткинскому улице, а добрая конка, топоча копытами, гонит трусой по «трехсестринской» Москве.

В этой квартире Татьяна Львовна провела последние двадцать пять — тридцать лет, и тут она из веселой шустрой озорницы, о которой говорили в своих воспоминаниях Вл. Гиляровский, М. П. Чехова и прочие мемуаристы, превратилась в серьезную, высокого класса и высочайшей культуры переводчицу Шекспира, Лопе де Вега, Мольера и т. д., при этом, конечно, не утратив обаяния, ума, приветливости. О таланте говорить не приходится, он рос.

Сама она почти нигде не бывала — разве только выход на камерную музыку в Малый зал консерватории — два шага расстеления, да на встречу с молодежью — учениками Театрального училища имени М. С. Щепкина при Малом театре.

Но двери ее дома были широко открыты — к ней приходили молодые поэты, переводчики, режиссеры московских и периферийных театров, почтенные академики-словесники, иные за справкой, иные за советом, иные просто полюбоваться на покойный закат интересной прожитой жизни, пожелать себе самому того же, и, как сказано у Пушкина:

...день-другой роскошно отдохнуть,
Вдохнуть о пристани и вновь
пуститься в путь.

Но бывали в этом доме и большие дни, дни званые, назначенные, освященные традициями... Это были дни театральных премьер, юбилейные спектакли переводных пьес Татьяны Львовны, даты, дни номинальные, годовщины и т. д.

Традиционный «Татьянин день» проходил под знаком «открытых дверей» — прием шел круглый день, с перерывом от трех часов до пяти и от семи до девяти часов, когда накрывалась «чистая скатерть» и открывались двери для нового состава посетителей, — так дом «работал» в три смены!

Какие тосты, какие воспоминания, какие встречи старых друзей, какие неожиданные открытия!..

Например, с необычайным удивлением я узнал о дружбе Татьяны Львовны с другой легендарной женщиной — большевичкой из ленинской когорты, с Александрой Михайловной Коллонтай! Они были друзьями юношеских лет, об этом непременно свидетельствовала цветущая фотография, на которой обе изображены в старшегимназическом возрасте.

На этих вечерах Надежда Андреевна непременно присутствовала, с радостью и воодушевлением выполняя свои «певческие нагрузки». Те зрители, которые слышали и видели Обухову на оперной сцене, которые знали ее на концертной эстраде, в камерном репертуаре, пусть представят ее в тесном кругу, за чайным столом, в рассеянном свете, когда она широко и безотказно идет навстречу желаниям друзей, исполняя задуманные романсы Шуберта и Глинки, колдовскую «Сегедилью» из «Кармен» и цыганские песни, удалые, надрывные, возводя цыганский пошиб на уровень высочайшего искусства.

Это была пожилая женщина, но тень ее на стене была молода, ее грузность превращалась в дородность русской красавицы... Она пела:

Нет, не тебя так пылко я люблю... — и когда доходила до последней строки, то становилось ясно, что не о погибшей молодости она поет, а о молодости цветущей, неувядающей, негасимой, преобладающей все анкетные данные!

Потому что талант!..
6 марта Надежде Андреевне Обуховой исполнилось бы 80 лет...

НАДЕЖДА АНДРЕЕВНА

АРГО

ЕСТЬ разные формы широкой популярности и народного признания для артистов, писателей, музыкантов, общественных деятелей. Они выражаются в бурных овациях, в подношениях пышных гирлянд и букетов, а также в забрасывании объекта «обожания» пучками ландышей, незабудок, тюльпанов. Иногда это трогательно, иногда смешно. Всячески.

И бывают еще такие случаи, такие примеры популярности, когда объект утрачивает фамилию и достаточно произнести его имя и отчество, чтобы сразу стало ясно, о ком идет речь.

Если в прежние времена два студента ожесточенно спорили о том, кто играет лучше Варю-дикарку в пьесе Островского и Соловьева — Марья Гавриловна или Вера Федоровна, то третий со стороны сразу понимал, что это жестокий спор о соревновании Савиной и Комиссаржевской в одной и той же роли. Савина — тонкая, умная, обаятельная — была та, что называется «любимица публики». Комиссаржевская — нервная, мятущаяся, вся порыв и устремленность — была «совестью русской интеллигенции» тех времен. Что кому!

Если молодые актеры в первые годы нашего государства говорили, что им повезло побывать на докладе Анатолия Васильевича, в устах которого сложные понятия становились доступными и доходчивыми и в то же время истинными бесспорными, давно известные озарились новостью откуда каким-то новым ярчайшим блеском, — фамилия оратора не называлась, к чему?

А что сказать об Алексее Максимовиче?

О Марии Николаевне?
О Константине Сергеевиче и Владимире Ивановиче?

Таковы были зачарованные имена неразлучных спутников целых поколений читателей, зрителей, которые пронесли сквозь свои юношеские восторги и завещали детям такое же благоговейное отношение к искусству.

И здесь достойное место занимала Надежда Андреевна Обухова!

Много есть слов для определения творческой личности любимого артиста — певца, музыканта или поэта, но обычно одно приходит в голову первым, а остальные следуют за ним, дополняя и обогащая характеристику. Мы говорим о казловском изяществе, о благородстве Остужева, о горьковском внимании и чуткости к людям, о блоковском чувстве ответственности за русскую интеллигенцию перед страной, перед народом и революцией.

Характеризуя Обухову, можно говорить о чарующем тембре ее голоса во всех регистрах — от виртуозной колоратуры до виолончельного перелива, о невероятном ее дыхании, о том, что дано было ей природой и усугублено высокой девческой культурой. Об артистическом даровании говорить не приходится — гипнотическая сила Кар-

мен, горькая доля — Любаша, наконец, непередаваемое и непреодолимое обаяние Далилы в опере Сен-Санса.

Все это незабываемые образы женской силы, обаяния и страдания!

И все-таки не эти черты приходят первыми в память при определении великого дарования любимой певицы. Чувство стиля как следствие высокой общей культуры — вот что было особенно примечательно в ее творчестве.

Ее репертуар неисчерпаем — высокая классика, русская и европейская, народные песни — русские, испанские, итальянские и французские, оперные арии и салонные романсы — все входило в ее программы. И она в каждом случае находила должный ключ, и в ее исполнении были оправданы даже «жестокие» романсы.

Что такое «чувство стиля»?

В звукозаписном наследстве Федора Ивановича есть пластинка с записью цыганского, вернее сказать, «цыганского» романса «Очи черные». В этом случае Шалаяни позволяет себе нечто непозволительное, допускает недопустимое, а именно: во втором куплете романса, где «страсть» доходит до «наивысшей точки», он забывает про пение и на чистом говорке (то что на итальянской терминологии называется «peerlando») выкрикивает слова.

Вы сеубили меня, очи черные!

Эффект неожиданный, полный страсти до отчаяния!

Конечно, с таким приемом не спешит Чайковский, ни Глинку, ни Шумана, ни Шуберта, но тут уместно вспомнить слова Верлена: «Банальность — это роскошь, которую себе позволяют только большие таланты».

Из этого принципа исходит певец: «дешевая» музыка допускает «дешевку» исполнения и создается стиль, при котором минус на минус дает плюс величайшего эффекта! Не знаю, насколько убедительна эта мысль в моем изложении, могу только апеллировать к тем, кто «пережил» такое исполнение Шалаяни этой запетой и забытой музыки.

Вот почему и Надежда Андреевна так незабываемо запомнилась в старинных романсах бабушкиных времен...
Сентиментальная серенада:

Выйди на одно мгновенье,
Мой тигренок, на балкон!..

Салонный вальс:

Когда умирает любовь...

Гениальный лермонтовский текст с соответственной музыкой:

Нет, не тебя так пылко я люблю...

Слушая эти произведения в исполнении Надежды Андреевны, можно было уловить разницу между близкими и в то же время различными понятиями: старое, устарелое, старомодное и старинное — то есть между тем, что кажется скучным и даже смешноватым, и тем, что сохраняет задуманную прелесть отжитого и незабываемого времени.

Эти строки хочется особо подчеркнуть, поскольку за последнее время грани между этими понятиями стираются и под знаком возрождения старинной песни всерьез поют такое: